

14. Maksimova I.V. «Russkij Chikago» (Uezdnye goroda Saratovskij gubernii v uslovijah modernizacii): monogr. / I.V. Maksimova, I.A. Petrova. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2012.

15. Oчерки po istorii Volgogradskoj eparhii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Volgograd: GU «Izdatel'», 2003.

16. Petrova I.A., Gafar T.V., Komissarova E.V. Ohrana i transljacija kul'turnogo nasledija kak faktor innovacionnogo razvitija regionov // Problemy innovacionnogo razvitija territorii: mezhdisciplinarnyj podhod: materialy Vseros. mezhdunar. uchastie nauč.-prakt. konf. (Perm', 25–26 okt. 2012 g.) / NOU VPO «Zap.-Ural. in-t jekonomiki i prava». Perm', 2012. Ch. I. S. 109–117.

17. Petrova I.A., Komissarova E.V. Social'no-kul'turnaja zhizn' Stalingradskoj oblasti v period Velikoj Otechestvennoj vojny // Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. v sud'bah narodov i regionov: sb. st. / otv. red. A.Sh. Kabirova. Kazan', 2015. S. 317–322.

18. Sgibneva O.I. Zhivotvorjashhee nachalo kul'turnogo nasledija // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh i gumanitarnyh nauk. 2006. T. 8. S. 238–248.

19. Skolkov G.S. Caricyn-Stalingrad v proshlom. Oчерk pervyj. 1589–1862 gg. // Caricynskij i Kamysinskij uezdy v opisanijah kraevedov (1727–1928) / pod red. M.M. Zagorul'ko i I.O. Tjumenceva. Volgograd: GU «Izdatel'», 2010. S. 165–193.

20. Smirnov V.B. Po sledam vremeni. Iz istorii pisatel'skoj organizacii Caricyna – Volgograda. Volgograd: Komitet po pečati, 1996.

21. Stalingradska ja oblastnaja komissija po ustanovleniju i rassledovaniju zlodejanij nemecko-fashistskih zahvatchikov i ih soobshhnikov i prichinnogo imi ushherba grazhdanam, kolhozam, obshhestvennym organizacijam, gosudarstvennym predpriyatijam i uchrezhdenijam Stalingradskoj oblasti: dokumenty / pod red. M.M. Zagorul'ko. Volgograd: Panorama, 2008.

22. Tomarev V.I., Tjumencev I.O. Istoricheskoe kraevedenie v Volgogradskoj oblasti (itogi i perspektivy razvitija) // Strezhen': nauč. ezhegodnik / pod red. M.M. Zagorul'ko. Volgograd: GU «Izdatel'», 2001. Vyp. 1. S. 119–124.

23. Tjumencev I.O. Caricynskaja krepost' v XVII v. // Strezhen': nauč. ezhegodnik. / pod red. M.M. Zagorul'ko. Volgograd: GU «Izdatel'», 2001. Vyp. 2. S. 183–206.

24. Stranicy istorii Gosudarstvennogo kazennogo uchrezhdenija Volgogradskoj oblasti [Jelektronnyj resurs] // Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti: [sajt]. URL: <http://cdnivo.ru/stranicy-istorii-gosudarstvennogo-kazennogo-uchrezhdeniya-volgogradskoj-oblasti-centr-dokumentacii> (data obrashhenija: 12.04.2018).

Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd: tragedy of the cultural legacy of the fighter city

The article deals with the issue of studying and preserving the cultural legacy. In the course of the analysis of the achievements and losses of the regional cultural legacy of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd in the first decades of Soviet power, as well as the damage caused to the Stalingrad region during the Second World War, the attention is focused on the civil responsibility of the government, society and individuals for the preservation of historical and cultural monuments as a sign of historical memory, which is the basis of the cultural code of the nation.

Key words: *cultural legacy, cultural policy, war, political repressions, museum, archive, local history.*

(Статья поступила в редакцию 25.04.2018)

Л.Т. КУЛУМБЕГОВА
(Москва)

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

В первые годы после распада СССР на территории бывшего Советского Союза возникло множество новых государственных образований. Раскрываются внешнеполитические причины возникновения непризнанных государств на постсоветском пространстве. Цель исследования – выявить ключевых внешнеполитических акторов и охарактеризовать их воздействие на процесс формирования непризнанных государств.

Ключевые слова: *постсоветское пространство, непризнанное государство, внешнеполитический актор, СССР, конфликт.*

По мере формализации международных отношений и возникновения инструментария определения государственного суверенитета феноменом XX в. стало массовое образование непризнанных государств. Непризнанное

государство можно определить как организацию публичной независимой власти на территории, которая по формально-правовым основаниям является частью другого государства. При этом непризнанное государственное образование находится в конфликте с так называемым исходным государством и не получило международного признания со стороны мирового сообщества.

Можно выделить ряд этапов возникновения непризнанных государств в историческом контексте: первая половина XX в., период деколонизации, период холодной войны, постсоветский период, начало XXI в. Каждый из перечисленных этапов характеризуется особенностями социально-экономического и историко-политического контекста, тем не менее можно выделить комплекс причин, приводящих к формированию непризнанных государств: это причины этносоциального и политико-правового характера. При этом можно дифференцировать причины политико-правового характера на внутри- и внешнеполитические. Наше исследование посвящено анализу внешнеполитических причин возникновения непризнанных государств на постсоветском пространстве.

В первые годы после распада СССР на территории бывшего Советского Союза возникло множество новых государственных образований: Нагорно-Карабахская Республика, Чеченская Республика, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье. Говоря о внешнеполитических факторах, которые инспирировали формирование новых государственных образований на постсоветском пространстве, следует выделить три аспекта внешнеполитического влияния на возникшие на постсоветском пространстве этнополитические конфликты, результатом которых стало появление непризнанных государств. Первый аспект – крушение ялтинско-потсдамской системы, вызвавшее значительные трансформации как на постсоветском пространстве, так и в Европе. Второй аспект – участие СССР (а впоследствии России) в этнополитических конфликтах советского и постсоветского пространства. Наконец, третий аспект – участие в тех или иных формах сторонних государств в протекающих на постсоветском пространстве этнополитических конфликтах.

Среди причин крушения ялтинско-потсдамской системы чаще всего называют такие процессы, как распад Советского Союза и объединение ФРГ и ГДР в единое государство. На наш взгляд, данные явления более справедли-

ливо рассматривать в качестве результирующих, тогда как причинами краха ялтинско-потсдамской системы были заложенные изначально при ее формировании внутренние противоречия.

Стоит отметить фундаментальное противоречие ялтинско-потсдамской системы между, с одной стороны, принципом нерушимости послевоенных границ и территориальной целостности, с другой – принципом права на самоопределение этнических меньшинств. Оба принципа были официально зафиксированы во всех ключевых пактах и декларациях ООН.

Так, в Хельсинки в 1975 г. послевоенные границы торжественно провозгласили нерушимыми. Однако в принятом в 1966 г. Международном пакте о гражданских и политических правах ООН утверждалось о наличии права на самоопределение у всех народов и невозможности лишения какого-либо народа средств существования, которые ему принадлежат [7, с. 54]. Фактически данный пакт юридически формализовал право народа на собственную территорию и природные ресурсы, расположенные в ее границах.

Данное противоречие открыло широкие возможности для применения двойных стандартов во внешней политике СССР и США. Советский Союз в контексте защиты прав этнических меньшинств апеллировал к борцам за национальное освобождение от «наследия колониализма», а США и их союзники были готовы защищать «ценности свободы» и права человека. «В результате два столпа ялтинского мира, два “полюса” международной системы укрепляли этносепаратизм и, как следствие, терроризм в борьбе друг с другом. В одном случае можно было констатировать необходимость сохранения территориальной целостности. В другом можно было поддерживать “молодые демократии”, бросившие перчатку имперской власти» [6, с. 72].

Случившееся в 1991 г. поражение СССР и распад внутренней и внешней советских «империй» (освобождение стран Восточной и Центральной Европы из-под политической опеки СССР) открыли возможности для возникновения на постсоветском пространстве новых государственных образований, которые формировали свою идеологию на основе принципа этнонационального самоопределения.

Важно отметить, что бытие возникших после распада СССР независимых государств на долгие годы оказалось зависимым от советских моделей и подходов. СССР рассматривался в качестве государства, в котором главными

субъектами выступали социалистические нации, а не граждане. Фактически же советским государством этнические группы были определены в качестве ключевого субъекта государственного права и политики [7, с. 61]. Приоритетными считались права наций, а не права отдельного человека. На территориальной основе были закреплены этнические различия граждан Советского Союза. В результате при распаде СССР не всеми были признаны в качестве легитимных границы между возникшими на территории Советского Союза новыми государствами (и государственность новых образований как таковая). Отсюда берут начало латентные пограничные противостояния (которые возникали между большинством стран СНГ) и вооруженные конфликты. Следствием конфликтов являются этническая гомогенизация на территории постсоветского пространства, региональный партикуляризм, проявление апартеида в мягкой или жесткой форме, рассмотрение новых государств как «этнической собственности» титульных наций.

В качестве одного из главных внешнеполитических акторов, взаимодействующих с непризнанными государствами постсоветского пространства в процессе их формирования, следует назвать Советский Союз, а впоследствии Россию. СССР (и в дальнейшем Россия) выступал в роли союзника одной из сторон или арбитра в процессе развития этносоциальных конфликтов на территории СССР и постсоветского пространства.

Начиная с момента создания автономной Республики Абхазия в составе Грузинской ССР абхазское население регулярно пыталось добиться пересмотра ее статуса. В 1931, 1957, 1967 и 1977 гг. представители абхазской национальной интеллигенции готовили обращения к руководству СССР, в которых содержались просьбы о выходе автономной республики из состава Грузинской ССР с последующим вхождением в состав РСФСР либо образованием Абхазской ССР в качестве самостоятельной союзной республики. Последним подготовленным до перестройки обращением подобного рода стало так называемое Письмо 130, которое было направлено руководству СССР в декабре 1977 г. [4, с. 54]. 18 марта 1989 г. на 30-тысячном сходе в селе Лыхны Гудаутского района было принято новое обращение к Москве с требованием вернуть Абхазии «политический, экономический и культурный суверенитет». Таким образом, на протяжении почти шестидесяти лет абхазские представители обращались к Москве как

к союзнику, рассчитывая на помощь центральной власти СССР, а впоследствии российского государства в достижении суверенитета от Грузии.

В ситуации с отделением от Грузии Южной Осетии в 1991–1992 гг. и Абхазии в 1992–1993 гг. Россия поддерживала территориальную целостность Грузии, не признав независимость самопровозглашенных государств. В данном контексте неудивительной стала реакция отдельных слоев российского населения (военнослужащих, казачества) на события вокруг югоосетинской и абхазской проблем, выраженная в поддержке стремления населения Южной Осетии и абхазов к отделению от Грузии и самостоятельному существованию. В частности, В. Ардзинба, который стал в 1992 г. военно-политическим руководителем абхазских сепаратистов, сумел «наладить взаимодействие с национальными движениями Северного Кавказа, казачеством, российским депутатским корпусом (более свободным в проявлении политических симпатий) и средствами массовой информации, а также некоторыми лидерами северокавказских республик в составе РФ, в частности, с Асланом Джаримовым, президентом Адыгеи» [9, с. 19].

Позиция Москвы в юго-осетинском конфликте сыграла негативную роль, т. к. в 1989–1991 гг. Советский Союз не смог выступить в роли эффективного арбитра между сторонами конфликта. 7 января 1991 г. Москва отменила как решение грузинского парламента об отмене Юго-Осетинской автономии, так и решение Верховного Совета Южной Осетии о провозглашении «советской демократической республики». Однако обеспечить свои жесткие действия ресурсами союзный центр уже не мог.

Во время вооруженного противостояния был предпринят ряд шагов по институционализации независимого от Грузии политического бытия Южной Осетии. Так, 19 января 1992 г. был проведен референдум за выход из состава Грузии Южной Осетии и объединение ее с Северной Осетией. Фактически это было бы объединение с российским государством. «В этом голосовании не приняли участие грузины, проживавшие на территории упраздненной Юго-Осетинской АО. Более 90% участников референдума проголосовали за выход Южной Осетии из состава Грузии и объединение с Россией» [Там же, с. 26]. В целом мотив объединения с Россией в юго-осетинском движении по сей день выражен сильнее, чем в случае Абхазии.

Что касается Нагорного Карабаха, то требования об объединении Армении и Нагорно-

Карабахской автономной области (НКАО) периодически выдвигались еще в советские времена, но в фокус публичного внимания эти требования в условиях информационной закрытости СССР не попадали. «В ноябре 1945 г. первый секретарь ЦК КП Армении Григорий Арутюнов направил соответствующие предложения в Совнарком СССР. Руководитель компартии Азербайджана Мирджафар Багиров внес свое контрпредложение – включить Шушинский район НКАО в состав Азербайджана в купе с тремя районами Армянской ССР, в которых проживало значительное количество азербайджанцев» [2, с. 40].

Карабахские армяне в начале 1960-х гг. обратились в ЦК КПСС с письменной жалобой на этническую дискриминацию. В первой половине 1960-х гг. происходило формирование подпольных или полуподпольных групп армянских диссидентов-националистов. В 1963 г. возник Союз армянской молодежи [3, с. 32]. 24 апреля 1965 г. в Ереване прошел митинг, который был приурочен к 50-летию армянского геноцида в Османской империи. Участники данного митинга выдвинули лозунг: «Справедливо решить армянский вопрос» [Там же, с. 34]. Новое обращение по поводу объединения Армении и НКАО в 1965 г. было передано председателю Президиума Верховного Совета СССР Анастасу Микояну [5, с. 33]. В 1968 г. в Степанакерте – столице НКАО – прошел митинг с требованием о присоединении области к Армянской ССР [2, с. 45]. «Последнее перед перестройкой массовое обращение армян по поводу НКАО было вызвано принятием союзной Конституции (1977 г.) и Основных законов республик и автономий (1978 г.). Оно не привело к положительным для армянской стороны результатам» [8, с. 75].

Центральное руководство на протяжении советского этапа карабахского конфликта (1988–1991 гг.) так и не выработало адекватных подходов к разрешению конфликта. «С одной стороны, ЦК КПСС выступает за сохранение статус-кво, то есть объективно поддерживает Азербайджан. С другой стороны, продвигая концепцию демократизации, ЦК пытается распространить ее и на межэтнические отношения, актуализируя проблематику прав этнических меньшинств и самоопределения, то есть давая шансы армянской общине Нагорного Карабаха и поддерживающей ее Армении» [Там же, с. 76].

Союзный центр проводил непоследовательную политику. Впервые в практике СССР 12 января 1989 г. было введено прямое управ-

ление НКАО из Москвы, для чего был сформирован Комитет особого управления НКАО. Однако данный Комитет был упразднен через десять месяцев с небольшим, 28 ноября 1989 г. На месте этого Комитета был создан Республиканский комитет по управлению НКАО, находившийся под контролем Баку. «Союзный центр использует силу против обеих сторон – против азербайджанской в январе 1990 г. и против армянской во время операции “Кольцо” весной-летом 1991 г., но это зачастую происходит несвоевременно, со значительным опозданием и чрезмерно, с жертвами среди мирного населения. Главным итогом этого этапа стала полная утрата Москвой контроля над ситуацией» [2, с. 56].

По мнению властей Азербайджана, карабахский конфликт представляет собой результат территориальной экспансии и агрессии со стороны Армении. Проблема, таким образом, интерпретируется как конфликт между двумя государствами-метрополиями, а не как результат этнополитического движения армянской общины Нагорного Карабаха.

Рассмотрим влияние внешнеполитического фактора на развитие конфликта в Республике Молдова. «Существуют различные точки зрения относительно того, что именно влияние внешних факторов со стороны России, Евросоюза, США и других стран играет важную роль в анализе отношений между центром и регионами в Республике Молдова как в политическом, так и социально-экономическом плане» [10, с. 7]. Ключевой аспект их участия состоит в продвижении своих интересов на территории другого государства, нарушающем один из главных принципов международного права – невмешательства во внутренние дела другого государства [1, с. 158], способствующем дестабилизации взаимоотношений центральных и региональных властей.

По мнению ряда исследователей, ключевым внешним фактором дестабилизации положения в Молдове является *Unirea cu România* [11] – концепция интеграции с Румынией. Важно отметить значение прихода к власти унионистов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в укреплении намерения двух молдавских регионов (Гагаузии и Приднестровья) выйти из состава Молдавской АССР и сформировать собственную государственность.

Таким образом, возникновение непризнанных государств на постсоветском пространстве, помимо внутренних факторов, инициировалось и внешнеполитическими факторами, а именно:

– крушением ялтинско-потсдамской системы и его последующим влиянием на геополитическую ситуацию;

– участием СССР и России в этнополитических конфликтах на территории Советского Союза и постсоветского пространства, сводившимся к невозможности СССР выступить в качестве справедливого арбитра и поддержке Россией одной из сторон конфликта;

– участием в этнополитических конфликтах сторонних государств, в частности Румынии, чьи отношения с Молдавией во многом способствовали активизации приднестровского конфликта.

Список литературы

1. Бирюков П.Н. Международное право: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.
2. Восканян С.С. Очерк истории армяно-азербайджанских этнополитических отношений. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
3. Маммадов И., Мусаев Т. Армяно-азербайджанский конфликт. История, право, посредничество. Тула: Гриф и К, 2006.
4. Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политических процессах Кавказского региона. М.: МАКС Пресс, 2005.
5. Маркедонов С.М. Советский Кавказ в 1970-е годы: предчувствие гражданской войны // Неприкосновенный запас. 2007. № 2(52). С. 54–59.
6. Музаев Т.М. Этнический сепаратизм в России. М.: ООО «Панорама», 1999.
7. Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве. М., 2002.
8. Савва М.В. Конфликтный потенциал межэтнических отношений на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3(33). С. 71–76.
9. Скаков А.Ю. Южная Осетия: демография, экономика, политика // Грузия: проблемы и перспективы. М.: Рос. ин-т стратегических исследований, 2002. Т. 2.
10. Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003.
11. Tănase C. «Eu sunt categoric împotriva unirii R. Moldova cu România!» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.timpul.md/articol/eu-sunt-categoric-impotriva-unirii-r--moldova-cu-romania-27617.html> (дата обращения: 28.03.2018).

* * *

1. Birjukov P.N. Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Jurist#, 2001.

2. Voskanjan S.S. Oчерк istorii armjano-azerbajdzhanskih jetnopoliticheskikh otnoshenij. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2002.

3. Mammadov I., Musaev T. Armjano-azerbajdzhanskij konflikt. Istorija, pravo, posrednichestvo. Tula: Grif i K, 2006.

4. Markedonov S.M. Jetnonacional'nyj i religioznyj faktor v obshhestvenno-politicheskikh processah Kavkazskogo regiona. M.: MAKS Press, 2005.

5. Markedonov S.M. Sovetskij Kavkaz v 1970-e gody: predchuvstvie grazhdanskoj vojny // Neprikosnovennyj zapas. 2007. № 2(52). S. 54–59.

6. Muzaev T.M. Jetnicheskij separatizm v Rossii. M.: ООО «Panorama», 1999.

7. Prjahin V.F. Regional'nye konflikty na post-sovetskom prostranstve. M., 2002.

8. Savva M.V. Konfliktnyj potencial mezhjetnicheskikh otnoshenij na Severnom Kavkaze // Central'naja Azija i Kavkaz. 2004. № 3(33). S. 71–76.

9. Skakov A.Ju. Juzhnaja Osetija: demografija, jekonomika, politika // Gruzija: problemy i perspektivy. M.: Ros. in-t strategicheskikh issledovanij, 2002. T. 2.

10. Stati V. Istorija Moldovy. Kishinev, 2003.

11. Tănase C. «Eu sunt categoric împotriva unirii R. Moldova cu România!» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.timpul.md/articol/eu-sunt-categoric-impotriva-unirii-r--moldova-cu-romania-27617.html> (data obrashhenija: 28.03.2018).

Foreign policy factors of the emergence of states with limited recognition in the post-Soviet space

In the first years after the collapse of the USSR, many new state entities emerged in the territory of the former Soviet Union. The article deals with the foreign policy reasons for emergence of states with limited recognition in the post-Soviet space. The goal of the study is to identify the key foreign policy factors and describe their impact on the process of formation of states with limited recognition.

Key words: *post-Soviet states, states with limited recognition, foreign policy factor, the USSR, conflict.*

(Статья поступила в редакцию 16.04.2018)

